

ЛИМОНОВ ВОРВАЛСЯ в нашу литературную и политическую жизнь, как метеорит. Он летал на каких-то неведомых нам орбитах, где люди разговаривают на английском, на французском языках, где они танцуют в кабаре, учатся в Сорбоннах, а иногда кидают в эту Сорбонну бутылки с горючей смесью. И он принёс сюда, в нашу оппозиционную патристическую, слегка архаичную, но очень духовную среду своих западных авангард, своё беспокойство, свою взрывную тревогу, своё вечное раздражение. Он напоминал жеребца, на котором дрожит кожа.

Сначала он приехал и присматривался. Появился в нашей редакции тогда ещё газеты "День" напряжённый, сдержанный, не позволял себе серьёзных сентенций, высказываний, а только слушал, слушал. Это был целый период его присутствия здесь, когда он лишь слушал. Напечатал несколько своих работ, эссе в нашей газете.

Он хотел найти себе место, искал, где можно было бы ему угнездиться с его опытом, со страстью западного революционера. Он много чего перепробовал: не только газету, но и партию Жириновского, какие-то экзотические организации. И нигде не находил себе места.

Он всегда приходил, как взрыв, оставляя после себя поломанные табуэтки. Он был хотя и сторонний, но участник событий 1993 года: был в наших толпах, расхаживал по баррикадам. Он присматривался. Я не знаю, что происходило в его душе, но мне кажется, он соизмерял европейский революционный опыт с нашим, который, как все бунты, был в чём-то схож, а в чём-то — абсолютно русским.

Он печатал прекрасные рассказы. Особенно мне понравились рассказы из его югославско-сербской истории: он писал о том, как воевал вместе с сербами. Это были очень правдивые, откровенные рассказы человека, который прошёл не только пикини у Гудзона в Нью-Йорке, но и горящую, пылающую Сербия.

Он ждал своего момента: как птица, сидел на ветке и ждал, когда же можно взлететь. То и дело убирал голову в плечи, говорил, что вот-вот взлетит... И не взлетал.

Я присутствовал в то момент, когда эта птица начала хлопотать крыльями, снялась с ветки и полетела. Это был удивительный вечер в "пёстром зале" ЦДЛ, когда наша газета "День" чувствовала ГКЧП-истов. Не помню, кто там был из ГКЧП-истов, по какому поводу мы там собрались, но помню лицо Крючкова, сидящего за столом в "пёстром зале": был кто-то ещё из тех величайших стариков.

Были Лимонов и Дугин: сидели в сторонке, перешёптывались, шушука-

ями, которые они творили. Я был в стороне от этого, но чувствовал, что назревает внутренний неврастенический, а может быть, истерический взрыв лимоновского движения.

Этот взрыв произошёл, когда Лимонов был арестован. Он хотел поднять революцию в России, но начать её с революции русских меньшинств, оставшихся за пределами России и брошенных на растерзание подымавшимся местным национальным русофобским элитам. Русские, в данном случае в Ка-

друга, создавало удивительную среду, атмосферу русской политической и культурной жизни.

Я приехал в Саратов, где судили Лимонова, чтобы поддержать его. Мне казалось, что ему важно видеть там тех, кто встречался с ним ещё на воле. Я стоял в здании саратовского суда, ждал. И вот показались конвойные, появились овчарки. Вот повели Лимонова, руки у него были "за спину", может быть, уже в наручниках. И он маленький, сухонький шёл среди громил-конвоиров, а вокруг

ЭТО ТЫ, ЭДИЧКА?

захстане, освоившие весь казахский север, построившие великие города, заводы, индустрию, создавшие особую среду, оказавшие брошены Москвой, брошены победившей ельцинской демократией, и бунтовали, роптали. Лимонов решил пойти туда и поднять революцию.

Но ему не удалось перейти границу. Его взяли на переходе, нашли оружие и судили. Суд и сидение в тюрьме были для него мощным творческим запятом, как и для многих русских художников, ибо какой же русский художник не являлся мучеником? Какого русского поэта или художника, бывало, либо не застрелял, либо не замучил в каземате, либо не выставит из России? Лимонов прошёл эту стадию. И своей мученической тюрьмой, он, может быть, искупил вину, которую ему вменяли посторонние люди. Эту вину видели в том, что он бросает молодых людей на амбразуру, превращает их в жертвы: их терзает, бьют, дают им тюремные сроки... А сам он как бы стоял в стороне. Нет, он не стоял в стороне, он вместе с ними прошёл всё это. И это делает его равным тем, кто полатился свободой, сражаясь в удивительной национал-большевистской партии.

Мне казалось и продолжает казаться, что партия национал-большевизма* во многом является художественным проектом. Ведь художественными являются и проекты, связанные со штыковыми атаками, с рукопашными в окопах. Лимонов писал свои работы либо напрямую о событиях в его политической жизни, в его судьбе, либо в его книгах косвенно присутствовали политические взрывы. В этом смысле политическая судьба питала писательскую энергию, питала творчество. А книги Лимонова расценивались его соратниками, сподвижниками как иконы движения, как манифесты. И то, и другое питало друг

них увивались огромные, с высунутыми языками, овчарки. Зрелище было потрясающим. Я тогда подумал, что это — величие русского писателя: явиться на суд в окружении могучих истязателей с грозными овчарками, которые то ли лижут его, то ли грызут зубами.

Когда мне присудили премию "Национальный бестселлер", я передал деньги Лимонову, сидящему в тюрьме, и всей партии. Лимонов написал мне небольшое письмо, где были такие слова: "Саша, спасибо, это благородно". Вообще он был довольно скуп на похвалы. Он был эгоцентричным человеком: замыкал мир на себя, замыкал на себя Вселенную. "Вселенная — это я, Лимонов", — так он, по-видимому, считал.

И когда регулярно, раз в месяц выходил штурмовать Триумфальную площадь, он попадал в автозак. Хватавшие его милиционеры сначала награждали его тумакими, но с каждым разом всё больше привыкали к нему, и почти подружились с ним, чуть ли не говорили: "Товарищ Лимонов, пожалуйста в автозак". Он шёл в сопровождении людей с дубинками, и в этом была какая-то насмешка, потому что, желая сокрушить кумиров, монументы, желая прослыть горланом-главарём, как ещё Маяковский на Триумфальной площади, он не вызывал адекватного ответа власти. Власть как бы не воспринимала его слишком всерьёз.

Его шествия постепенно становились дизайном Москвы, его триумфальные атаки становились московской достопримечательностью, посмотри на них едва ли не стекались иностранные туристы, журналисты. Им очень нравились Лимонов, который эпатировал их своими высказываниями, своими фотографиями: он фотографировался голым, раскинув руки, как это делал человек Леонардо да Винчи, заключённый в

круг. О Лимонове писали в газетах, издавались книги.

Когда наступили грозные времена 2011 года, когда началась Болотная площадь, задурила вся либеральная среда, а вместе с ней — часть националистов, часть радикально настроенных коммунистов, задурила национал-большевистская партия Лимонова. Всё это выливалось на площадь, двигалось, шумело. Каждый нёс свои знамёна, на трибунах находилось место и Навальному, и Немцову, и Лимонову. Эта кипящая магла дышала и пузырилась вокруг Маркса на площади Революции. Казалось, вот-вот наступит момент, когда толпа достигнет критических размеров и переплеснется, хлынет за пределы чаши площади и двинется выше — к Старой площади в администрацию президента и чуть не в Кремль...

А произошло абсолютно неожиданное для Лимонова: часть оппозиции, может быть, большая часть оппозиционной толпы, была уведена Немцовым с революционной площади на Болотную: с площади, которая называется площадь Революции, люди ушли в какое-то болото, тупики. Для Лимонова сами эти названия были символическими и трагическими. Он тогда возопил, обвиняя Немцова, что у него, Лимонова, украли революцию. Это было немножко комично, как будто революция — это портмоне, которое можно украсть из кармана и присвоить. Но с тех пор произошёл надрыв, мне кажется, во всей стратегии.

Возбуждённо пройдя лагерь и колонии, лимоньцы вышли смиренными, кто куда: кто-то в личную жизнь, некоторые ушли в церковь. Последние годы Лимонова были связаны и с хворью, и с тем, что появилось новое поколение, новая молодёжь. В новой молодёжи огонь востания, огонь творчества сменился другими, более спокойными формами: нигилизмом, скептицизмом, желанием участвовать в политических процессах со стороны — через социальные сети.

Мне кажется, он тосковал. От него стали удаляться его прежние соратники, как, например, Прилепин, который, мне кажется, был выношен в черве Лимонова. И до сих пор Прилепин и как художник — "лимоновец", и как протестант — "лимоновец", и как партийный строитель — "лимоновец", в чём он и признаётся.

Лимонов ушёл тихо и незаметно — не как Жанна д'Арк или Джордано Бруно. Но он ушёл, и вдруг обнаружилась пустота. В кладке политической стены, политического фундамента Лимонов занимал очень важное место. Он был если не замковым камнем, то, мо-

жет быть, камнем краеугольным, а может — камнем преткновения. И когда его не стало, обнаружилась скважина, которую сейчас ничем не заполнить. И мы, кто был близок к Лимонову, или сначала близок, а потом удалился от него, чувствуем эту скважину.

Думаю, что газета "День", а потом "Завтра", сделала для Лимонова немало. Она включала его — прежде всего его статьи, работы, стихи, прозу — в контекст оппозиционной, протестной русской культуры. Газета "Завтра", так или иначе, ввела его ещё и в политическую среду: через газету он познакомился со множеством ведущих политиков тех времён. А когда Лимонову было особенно худо, когда он был в узилище, я своими протестами, выступлениями всячески содействовал его освобождению, был в качестве народного защитника на процессах "лимоновцев", которые были рады тому, что их поддерживают не только настоящие адвокаты, не только замечательный Дима Аграновский.

Но когда у меня было 80-летие, и коллектив газеты "Завтра", пожелав отметить мой юбилей, обратился ко всем уцелевшим к той поре людям с просьбой написать суждения о моей протесте, и все, даже те, кто уже удалился от меня и кому я был чужд, откликнулись. Эдуард Вениаминович кратко написал: "Саша, меня с тобой ничего никогда не связывало". Меня поразила эта фраза. Меня-то с Лимоновым связывало и продолжает связывать очень многое. Но его со мной — ничего. Что это значит? Может, это значит, что Лимонов действительно был метеоритом, который прилетел на Землю из других космических миров, и многих обжёг, иных ослепил, но не связал себя с сегодняшней русской жизнью? И многие из его современников, в том числе ваш покорный слуга, казались ему чуждыми? И он с лимоновской откровенностью в этом признался.

Для меня Лимонов остаётся загадкой, как, впрочем, и все человеческие души. Но я счастлив, что был свидетелем его взлёта, его триумфа, его постепенного ухода. И хотя в последние годы мы редко встречались, мне горько думать, что сейчас уже здесь, на этом свете, мы с ним никогда не встретимся. А на том свете, может быть, встретимся — в зависимости от того, где мы окажемся: кто из нас окажется в раю, а кто в аду. Тогда я увижу прозрачную, плехо узнаваемую тень, пойдёму и спрошу: "Это ты, Эдикча?"

Александр ПРОХАНОВ

* организация, запрещённая на территории РФ

ВНУТРИ РОССИИ

вот уже третий месяц длится постновогодняя политическая пауза. И податнянулась она, наверное, неспроста — есть тому причины. С президентским Федеральным посланием по-прежнему нет определённости: ни по дате, ни по содержанию. В преддверии этого статусного мероприятия Владимир Путин проводит серию встреч, очных и онлайн, с представителями ключевых структур российской "властной вертикали". В политическом поле уже полным ходом идёт предвыборная кампания, свидетельством чему — многочисленные новости партийной жизни, порой — весьма неожиданные. Как, например, дискуссии внутри "Единой России" или объединение партийных структур Сергея Миронова, Захара Прилепина и Геннадия Семигина. Устами Сергея Лаврова уже заявлено, что наша страна готова разорвать все отношения с таким "ненадёжным партнёром", как Евросоюз, а устами Дмитрия Пескова (наконец-то!) — о том, что Украина для России является "враждебным государством". За участие в несанкционированных протестных акциях, связанных с "делом Навального", впервые высланы иностранные дипломаты.

нашей страны (без учёта Крыма) сократилось почти на 10%, и дальнейший прогноз, к сожалению, неблагоприятный. И не только из-за старения населения. В 1990 году медианный возраст жителя России составлял 34,5 лет, в 2020 году (оценка ООН) — 39,6 лет. За этот же период в целом по миру он увеличился с 22,6 до 30,9 года, в ЕС (с учётом Великобритании) — с 31,8 до 43,7, то есть Россия старела заметно медленнее, чем остальной мир и европейские страны, в том числе — из-за относительно высокой смертности в старших возрастах и, соответственно, низкой средней продолжительности жизни (73,3 года в 2020 году). Главная проблема депопуляции — не в этом. Численность населения и нашей страны, и всего мира ранее росла и при куда большей смертности, и при куда меньшей продолжительности жизни. В любом случае, сколько ни снижай смертность, сколько ни увеличивай среднюю продолжительность жизни, сколько ни стимулируй/регулируй иммиграцию, без деторождения человечество рано или поздно вымрет.

Кстати, нынешняя "пандемия" (беру этот термин в кавычки, поскольку ВОЗ изменила его определе-

Брошенная русская деревня — трагический символ вымирания

Владимир ВИННИКОВ

ПОСЧИТАЛИ — ПРОСЛЕЗИЛИСЬ...

Об экономических причинах сокращения населения России

Тем не менее, все как будто ещё не вышли из режима самоизоляции, подводить и обсуждать итоги "ковидного" 2020 года никто не торопится, хотя буквально каждый день появляются новые данные: Счётной палаты, Росстата, Банка России, ФТС и других госинститутов, призванных осуществлять "контроль и учёт".

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ТОЛЧОК к этой статье стала публикация Сергея Ануреева "Где дети, Зин?" ("Завтра", 2021, №7), посвящённая теме пенсионного обеспечения в России. Но в ней был поднят куда более объёмный и весомый пласт проблем, напрямую определяющих будущее нашей страны: падение рождаемости, увеличение смертности, общее снижение реальных доходов населения при высокой их дифференциации, вызывающей растущее социальное неравенство, всё более явная неэффективность системы управления государством и обществом, включая провал "реформ" в системах образования и здравоохранения.

Все указанные (а также многие другие) моменты действительно взаимосвязаны между собой, так что эту сеть можно или вытащить целиком и с нужным "уловом", или утопить её окончательно.

В получившем уже всемирную известность выступлении на "Давосской неделе" 27 января 2021 года президент Путин, помимо прочего, заявил о том, что люди — не средство, а цель. Между тем, к тому времени статистики уже подсчитали, что за 2020 год постоянное население нашей страны сократилось более чем на полмиллиона человек, то есть российский лидер, произнося свои слова, знал эти цифры. И знал, что участники "Давосской недели" тоже их знают. Причём не просто знают, а разделяют не однократно высказанную рядом политиков "коллективную Запада" мысль о том, что "слишком мало русских умерло от коронавируса". При этом публично проливая крокодиловы слёзы о том, что из-за введённых властью "чрезмерных" противоэпидемических ограничений российские пенсионеры оказались лишены "нормальной жизни", свободы передвижения, полноценной медицинской помощи при других болезнях и так далее. Впрочем, особенности "западного" мировоззрения уже хорошо известны, и речь здесь не о них.

Речь идёт о том, что мертва не только либеральная идеология — мертва вся либеральная социально-экономическая система "глобального рынка", к которой Россия присоединилась в начале 90-х годов прошлого века и в которой продолжает существовать до настоящего времени.

Если рассматривать демографические последствия работы этой социально-экономической системы в нашей стране, но не в плане нынешней "ковидной" сверхсмертности и падения рождаемости, а в более широкой ретроспективе, то увидим, что, согласно Всесоюзной переписи 1989 года, на территории РСФСР проживало 147,4 млн. человек, на территории Крымской области в составе УССР — 2,459 млн. человек, а на 1 января 2021 года, по данным Росстата, население РФ составило 146,23 млн. человек, из них население Крыма — 2,3 млн. человек. То есть за 30 с лишним лет население

ние akurat к вспышке коронавирусной инфекции, так вот случайно совпало) COVID-19 — лишнее тому подтверждение.

Число умерших в РФ 2020 году выросло до 2,124 млн. человек с 1,801 млн. в 2019 году, или почти на 18%, то есть "добавочная" смертность составила более 300 тыс. человек, при этом с коронавирусным диагнозом, согласно разным источникам, от 60 до 85 тысяч человек. Ранее этот показатель составлял:

2014	— 1 912 347 смертей
2015	— 1 908 541
2016	— 1 891 015
2017	— 1 826 125
2018	— 1 828 910

Так что какой-то особо неблагоприятной динамики смертности в России последних "доковидных" лет не было. Чего не сказать о рождаемости, которая снижается уже восьмой год подряд:

2014	— 1 947 301 рождение
2015	— 1 944 136 (минус 3 тысячи)
2016	— 1 893 256 (минус 51 тысяча)
2017	— 1 689 884 (минус 204 тысячи)
2018	— 1 599 316 (минус 90 тысяч)
2019	— 1 484 517 (минус 105 тысяч)
2020	— 1 435 763 (минус 49 тысяч)

Женщин официально фертильного (детородного) возраста 20 — 35 лет по состоянию на 1 января 2021 года у нас больше 14 миллионов, хотя рожают и раньше, и позже этого возрастного диапазона. Детей же в возрасте до 15 лет — почти 26 миллионов. То есть меньше двух детей на одну женщину детородного возраста. Официальный коэффициент фертильности (рождений на одну женщину) — вообще на уровне 1,5. Только абортот делается более полумиллиона за год, а сколько не состоялось беременностей вследствие использования современных противозачаточных средств?

И, как можно видеть, введение материнского капитала, а также других прямых стимулирующих выплат не приводит к ощутимому росту рождаемости, хотя, видимо, предупреждает его обвальное падение.

РОЖДЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ ребёнка сегодня — это весьма затратный и с финансово-экономической точки зрения категорически "невыгодный", "нерентабельный" процесс. Попытки "посчитать" эту стоимость в абсолютных и/или относительных цифрах всегда страдают неточностью в научно недопустимых, "плюс-минус 50%", пределах. Но в среднем "цена вопроса" одного ребёнка по России от рождения до 18 лет, в зависимости от времени и региона, определяется в 5 — 10 миллионов рублей. Что при медианной ежемесячной зарплате в 20 — 30 тысяч рублей эквивалентно 5 — 10 годам труда двоих родителей. То есть на такой "проект" — и это ещё без учёта оплаты факультативного высшего образования ребёнка — среднестатистические граждане России могут решиться только один, от силы два раза в жизни. Так что никаких чудес тут нет — чистая

политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека", в реальной жизни носит, мягко говоря, очень своеобразный характер.

Нет, в бюджете России на 2020 год статьи социальных расходов (5,01 трлн. рублей), здравоохранения (1,022 трлн. рублей) и образования (0,944 трлн. рублей) выглядят вполне достойно, составляя, соответственно, 25,5%, 5,21% и 4,81% от общей суммы бюджетных расходов в 19,62 трлн. рублей. Если же добавить сюда неплановые "антиковидные" расходы в 3,2 трлн. рублей, которые тоже, вне всякого сомнения, можно считать социальными, то на эти цели израсходовано 10,176 трлн. рублей, или 44,59% федерального бюджета. Ещё выше эта доля в консолидированном (федеральный плюс региональные) бюджете РФ, где из 42,15 трлн. рублей на социальные цели израсходовано свыше 22,716 трлн. рублей, или 53,45%.

Проблема здесь только в том, что картина кардинально меняется, если соотносить эти цифры с отечественным ВВП, который, согласно данным Росстата, сократился в 2020 году на 3,1% и составил 106,6 трлн. рублей. В бюджеты всех уровней из них поступило 37,857 трлн. рублей, или 35,51%.

На долю фонда оплаты труда пришлось, при средней зарплате в 51 083 рубля, 49,5% ВВП (в 2019 году было 46,3%). Но "фишка" здесь в том, что в ФОТ входят и дополнительные выплаты государства работникам остановленных из-за коронавируса предприятий, и зарплата "бюджетников", и суперкоплады менеджеров частных компаний, и доходы индивидуальных предпринимателей. За вычетом этих и ряда других доходов, "чистый" ФОТ окажется на уровне примерно 31,5% ВВП.

Следовательно, примерно 33% российского ВВП — это доходы корпораций. Если вычест из них инвестиционные расходы (без учёта привлечённого капитала) и обязательные платежи во внебюджетные государственные фонды (ПФР, ФОМС и ФСС), на долю "эффективных собственников" придётся около 9,5 трлн. рублей или более чем 9% национального дохода в 2020 году. По мировым меркам, это гигантский процент. И удивляться резкому росту состояний отечественных богачей, составляющих около 5% населения страны, на фоне падения реальных доходов остальных 95% россиян не приходится.

Добавьте к этому рост кредитной задолженности населения в 2020 году до 17,02 трлн. рублей (не исключено, что здесь "крутятся" те самые не-израсходованные остатки бюджета прошлых лет, о которых не устаёт бить в набат Михаил Делягин, называя цифру в 13 трлн. рублей), а ещё обслуживание уходит примерно четверть его зарплаты, и рост задолженности за коммунальные платежи, достигший отметки в 625 млрд. рублей (плюс 55 млрд. рублей в 2020 году).

Добавьте к этому официальную инфляцию в 4,9% (реальная в разы выше), включая опережающий рост цен на продовольствие, — и вопросы о том, почему наши женщины в массе своей не решаются рожать больше одного-двух детей или отказываются рожать вообще, должны остаться сами собой.

цифры формируют: и за рубежом, и внутри нашей страны.

ИНОЙ ВОПРОС — почему всё происходит именно так, а не иначе. Проще всего объявить российскую власть коррумпированной, антинародной, "живущей на другой планете", а потому "нелегитимной" и подлежащей люстрации. Но те "друзья народа", которые выдвигают или поддерживают подобные лозунги, почему-то чаще всего оказываются бывшими или настоящими сторонниками "коллективного Запада". Причём не только в России, а во всём мире. Глобализм — он и в Африке, и в России, и везде глобализм...

О том, что против России ведётся война, причём война на уничтожение, Путин заявил ещё в 2005 году. С тех пор появилось важное уточнение, что эта война является "гибридной", то есть ведётся на всех уровнях системного противостояния: экономическом, политическом, идеологическом, — и собственно вооружённый конфликт оказывается необходимым только в конечной фазе такого противостояния или вообще излишним, поскольку всё решают местные глобалистские прокси-формирования, как это было в Москве в 1991-м и в 1993-м, или в Киеве в 2004-м и в 2014 годах.

Как показывает практика, Россия в целом научилась играть в эти игры, которые уже прилетели бумерангом, например, в те же Соединённые Штаты. Мы видели, как под флагом разрушительных по виду "реформ Сердюкова" удалось провести модернизацию и перевооружение российской армии. Мы видели "крымскую весну" и "северный ветер" в Донбассе. Отмеченные во вступлении к этой статье изменения во внешнеполитической риторике и действиях российской власти знаменуют собой не столько её "загнанность в угол", о чём любят рассуждать сторонники "антикремлёвской оппозиции", сколько изменение глобального баланса сил. Реальная Россия сегодня не имеет почти ничего общего с образом "страны-бензоколонки, чья экономика разорвана в клочья санкциями цивилизованного мира". Россия стала чувствовать себя достаточно сильной для того, чтобы перейти из глухой обороны в "гибридной войне" к ответным ударам и контратакам.

Но для того, чтобы обеспечить себе надёжные тылы, надо не только объяснить населению, что, когда и зачем происходит, но и хоть немного изменять к лучшему его положение и, самое главное, обозначить и показать внятную перспективу на будущее. Иначе наша победа над "коллективным Западом", сравнимая с великой Побой 1945 года, может оказаться пирровой. А вот этого допустить никак нельзя не только по соображениям, которые можно считать эгоистическими ("Нам не нужен мир, в котором не будет России"), но и по соображениям цивилизационного порядка. Потому что если новую "матрицу" развития человечества, совмещающую в себе ценности свободы, социальной справедливости и прогресса, не выработает и не предложит остальному миру Россия, то, похоже, этого очень долго время не сможет сделать ни один другой "центр силы", включая активно претендующий на глобальное лидерство Китай.